

Глава 1

СПЯЩИЙ

*Спустя тридцать лет после событий в Йефасе,
Ноэльское графство*

Весеннее солнце склонилось к горизонту, и с моря задул сильный ветер. Под его порывами заколыхались ветви сосен вместе с зарослями голубого олеандра. Где-то вдалеке протяжно закричала пустельга. Крик стал ближе, затем резко затих, и мгновение спустя птица камнем устремилась к земле, атакуя полевку, промелькнувшую меж сосновых корней.

В синих глазах мужчины зажглось любопытство, и он ненадолго отвлекся от разговора со своим собеседником. Прищурившись, он залюбовался зрелищным полетом хищницы. Пустельга Ноэля раскрыла крылья лишь у самой земли, выставила вперед когти и уже с добычей устремилась вверх, к ветвям высоких сосен, чтобы поужинать. Он проводил ее взглядом, а после вернулся мыслями к разговору с гостем, прибывшим в поместье Лилле Аданов по монетным вопросам.

— Господин ло Ксоуль, ваше предложение весьма интересно, но я вынужден в очередной раз отказать, — наконец произнес Юлиан.

После этих слов последовал шумный выдох. Лицо седовла-
стого гостя на миг скривилось от негодования, но он быстро
взял себя в руки и вновь принял спокойный вид.

— Я вас понимаю, господин Лилле Адан, ведь ваш Цветоч-
ный дом уже более двух веков занимается банковской деятель-
ностью. Однако...

— Однако что, господин ло Ксоуль?

— Хм. В последние годы на юге, в Айрекке и Дюльмелии,
пошли по очень рациональному пути и позволили заниматься
частной банковской деятельностью. Знаете об этом?

— Слышал.

— Собственно, хочу заметить, что поток монет в казну бла-
годаря полученным от этого дела налогам заметно увеличился.

— Господин ло Ксоуль, — улыбнулся Юлиан, — мы обяза-
тельно подумаем о вашем предложении по поводу снятия огра-
ничений на прием сбережений и выдачу займов нашим под-
даным...

Мохнатые брови Авгусса ло Ксоуля в очередной раз сошлись
на переносице, а руки скрылись под расшитой олеандрами
накидкой, чтобы не выдать охватившее его волнение.

— ...но у нас собственный опыт, весьма успешный, — про-
должил граф. — Цветочный дом известен как на Севере, так
и во многих землях Юга.

— Да, спору нет...

— И он символ и олицетворение безопасности и надежности,
поэтому система останется неизменной. По крайней мере, пока.

— Но мир меняется, и нужно уметь подстраиваться под него,
господин Лилле Адан! Ваша матушка... она приверженица старых
порядков, однако в вас я вижу того, кто готов не стоять на месте,
держась за постылые образы, а идти в ногу со временем! Снятие
ограничений лишь увеличит приток золота в ваши кошельки.

— Увы, господин ло Ксоуль. Прошу передать другим членам
купеческой гильдии, что мы отказываем в вашей просьбе.

Снова тяжкий вздох.

Купец Авгусс ло Ксоуль, который уже не первый год вместе
с представителями гильдии желал вложиться в собственный

частный банк, развел руками и, поджав старые губы, тоскливо поднял взор к небу, к тучам.

— Ну что ж, по крайней мере, я попытался... Быть может, вы передумаете, когда это веяние коснется и Детхая, — по его губам скользнула печальная улыбка из-за упущенной выгоды. — Я премного благодарен, что уделили мне время, ваше сиятельство.

— Всегда пожалуйста. Чуете, бриз сменился на феллский ветер?

— Да, да, погода у нас — дитя весьма капризное... Вы правы, нужно поспешить в Луциос, пока фелл не обрушился проливнем. Да и я отвлек вас от дел своим неожиданным визитом.

— Ничего страшного. Хорошей и светлой вам дороги, — Юлиан кивнул, отчего прядь с серебристой трубочкой упала на глаза. Он поправил ее привычным жестом и громко позвал: — Кьенс!

Из небольшой постройки показался костлявый слуга. Вежливо поклонившись, Кьенс отведенной в сторону рукой намекнул, что готов сопроводить гостя до выхода.

Глаза купца зыркнули на графа с едва скрываемым недовольством.

— Да осветит солнце ваш путь! — произнес он.

Юлиан проводил купца взглядом и, когда тот скрылся за особняком, направился по выложенной камнем тропинке к морю. В небе рычал гром, предвещавший непогоду. Тогда вампир заторопился и стал спускаться с холма, поросшего соснами, зарослями можжевельника и россыпью голубых олеандров. Свинцовая туча продолжала наползать с гор по правую руку от особняка, обещая вот-вот разразиться ливнем, хотя всего час назад в небе не было ни облачка. Впрочем, столь быстрая перемена погоды для Ноэльского графства была делом обычным, поэтому ноэльцы дождей не боялись. Привыкли.

У выхода стоял стражник с алебардой. Он поприветствовал господина поклоном и отпер калитку. Поблагодарив его, Юлиан направился по ковру из хвои к каменистому берегу, спрятанному за рощицей сосен. Морской ветер играл его смоляными волосами, трепал половинчатые рукава рубахи. Подойдя к кромке прибоя, он взгляделся в посеревшие воды

бухты Нериум и только решил уж было позвать Вериателюшку, свою любимую Вериателюшку, по которой жутко соскучился, и дочь-безобразницу Мафейю, как в небе снова громыхнуло. Туча прорвалась ливнем. А из-за дальнего одинокого камня, почти притопленного приливом, вдруг показалась рука. Рука была отчасти похожа на человеческую, но имела когти и бледные вытянутые пальцы, между которыми просвечивали перепонки.

Граф махнул рукой, подзывая.

От камня что-то скользнуло по направлению к нему. Вскоре вместе с набежавшей высокой волной на берег выползло существо, похожее на человека и одновременно на змею. Нижняя его часть была полностью змеиной, покрытой черной блестящей чешуей с белесыми полосами, а вот верх укрывался чешуей лишь отчасти. Лицо, живот и шея были чисты и выглядели совсем человеческими; даже оттопыренные уши с жабрами тут же прижались к голове, перестав быть заметными.

Едва пригнувшись, касаясь длинными пальцами камней, существо грациозно ползло по берегу, пока не распрямилось перед Юлианом. Настороженные желтые глаза смотрели не мигая.

— Здраш-штвуй, благошловленный водой, — сказал чуть шипяще наг. На миг показался его раздвоенный язык.

— Здравствуй, Нью Кха, — произнес Юлиан.

— Я ждал тебя...

Ливень стих так же резко, как и начался, и выглянувшее солнце заиграло на сверкающей от капель воды чешуе. Юлиан посмотрел на море, которое, точно по волшебству, переменяло цвет с серого на ярко-лазурный. Там, за далекими камнями, прятались и другие наги. Их было много — порядка двадцати или тридцати особей. Некоторые казались совсем детьми.

— Вас очень много. Что случилось, Нью Кха?

— Ш-шпящий на дне... Я хочу предупредить тебя, благошловленный водой.

— Он проснулся?

— Прош-шипается... Пошла зима он перевернулся несколько раз во сне. А пару дней назад из его глотки донесся рык. Он очень голоден и приш-шла пора кормиться...

— Но ведь прошло лишь четырнадцать лет, а не пятнадцать, Нью Кха.

Нью Кха не подсчитывал проведенные в море годы, поэтому то, что Спящий проснулся на год раньше положенного, его совсем не смутило. Даже наоборот, он посмотрел на Юлиана с легким осуждением.

— Но он прош-шипается... Мы не ош-шибаемся... Может быть, он мало поел в прош-шное пробуждение...

— Вы покидаете море?

— Да... — снова прошипел Нью Кха. — Мы поднимаемся по реке к темным горам. Там переползем в Больш-шое озеро и будем жить до зимы. Пока Ш-шпящий не вернется в Мертвый желоб...

— Когда и где вы достигнете перехода по земле?

Наг задумался. Кончик его черного чешуйчатого хвоста задрожал, а уши вновь оттопырились, обнажая жабры. Убрав мокрую прядь черных волос с лица, Нью Кха посмотрел на друга.

— Три... или четыре ночи, — наг еще раз вскинул к небу глаза, чтобы не ошибиться. Он почти не умел считать. — Мы покинем реку там, где выш-шокие и штройные деревья сменяются

темными и низкими, а острая гора прячет за собой круглые горы поменьш-ше.

— Хорошо, Нью Кха, я тебя понял... Я буду там и помогу сопроводить вас от реки Луцци до озера Иво, чтобы переход прошел без неприятностей. Я благодарен тебе за то, что ты предупредил меня о Спящем.

— Ты благошловлен духами воды, которых мы чтим так же, как и Ш-шпящего. Поэтому мы уважаем и тебя. — Наг приложил руку к животу в почтительном жесте и обполз Юлиана по кругу. — Ш-шпящий проснется со дня на день...

— Вы не пытались с ним договориться?

— Нет... Если духи воды могут пощадить при вш-штрече, то Ш-шпящий не щадит никого, — грустно заметил наг. — Его желудок подобен бездне, и он безжалостно пожирает все, ш-што попадает на пути...

Граф протянул Нью Кха руку для прощания. Тот неуверенно подал в ответ свою, с когтистыми пальцами. На миг желтые глаза подернулись мигательной перепонкой.

— До вштречи, благошловленный водой... — прошипел наг.

Уже у самой кромки берега, когда хвост погрузился в воду, он оглянулся. По его бескровному лицу скользнула улыбка, обнажившая острые зубы и раздвоенный тонкий язык, и вскоре он исчез вместе со своей многочисленной родней.

Юлиан долго смотрел на слепящий блеск моря, на ясное небо, уже без единого намека на дождь, на горы по правую руку и на далекую-предалекую верфь, что примостилась у входа в бухту. Обеспокоенный известиями, он зашагал обратно вверх по холму, через кованую калитку — к особняку. Тропинка вилась среди пышных цветов, вдоль скамеек, устроившихся под сенью сосен, между пристройками. Трехэтажный особняк, возведенный из темно-серого, почти черного камня, глядел, точно глазами, большими прямоугольными окнами, а у его стен вился по решетке дикий плющ, подползая под самую крышу.

Из-за угла дома показался Кьенс. Он покорно взглянул на графа, молчаливо спрашивая, не надобно ли чего-нибудь.

— Кьенс, попроси конюхов подготовить лошадь.

— Сколько сопровождающих, тео Юлиан?

— Нисколько.

— Как скажете...

Дом окружали лорнейские сосны с пышной кроной. Едва насквозь промокший Юлиан подошел к двери, как ее распахнул безликий страж в серых шароварах, белой рубаше и подпоясанный голубым кушаком. Привычно поблагодарив, граф направился по коридору, устеленному дорожкой с бежево-бирюзовым орнаментом, к лестнице, ведущей наверх.

— Юлиан... — до ушей графа донесся тихий голос.

Улыбнувшись, он опустил уже занесенную над ступенькой ногу и прошел в зал.

У камина сидели в креслах Мариэльд де Лилле Адан и мужчина с проседью на висках. Оба откинулись на спинки, общаясь в некоторой лености, присущей знати.

На плечах мужчины лежала красная бархатная пелерина, соединенная на груди тремя золотистыми цепочками, а под накидкой виднелось простое мышинового цвета платье с кожаным ремнем. И стоячий воротник, и манжеты украшали одинаковые золотые пуговицы, правда слегка стершиеся — и оттого тусклые. Несмотря на всю простоту одеяния, было в нем что-то настолько величавое, что рядом с Мариэльд де Лилле Адан он казался пусть и не равным, но близким. Даже болезненность бледного лица, не тронутого ноэльским загаром, и темные круги под впалыми глазами не уменьшали его импозантности, а, наоборот, добавляли.

— Да, матушка... — произнес Юлиан.

— Чем вызвана торопливость твоей походки, сын мой? Неужели Августс ло Ксоуль убедил тебя помочь ему преувеличить свое состояние? — по губам графини скользнула саркастическая улыбка.

— Нет. Конечно же, я отказал, матушка. Изменение действующей системы никак не отразится на обычных жителях. Лишь перераспределит золото между нашими кошельками и кошельками купцов.

— Так в чем же дело?

— Наги сообщили, что Спящий вот-вот проснется.

Темно-серые, но удивительно живые глаза мужчины загорелись любопытством, и он захлопнул книгу по алхимии.

— Ты отправишься в порт? — спросила графиня.

— Да, матушка, в Луциос. Как только подготовлю необходимые бумаги, — граф покрутил кольцо-печатку на пальце.

— Понятно. Значит, снова ждать толпу негодующих глупцов у ворот особняка, — Мариэльд склонила седую голову набок и обратилась уже к сидящему рядом собеседнику: — Вицеллий, ты, кажется, хотел прогуляться вдоль моря.

— Да, моя госпожа. Буду рад, если вы составите мне компанию. Раз уж Юлиан сегодня занят, — на секунду Вицеллий взглянул с укором.

— Я полностью в вашем распоряжении. Но только завтра, учитель!

И граф оставил их, поднявшись по лестнице на второй этаж. В Ноэле он жил уже три десятилетия, но каждый раз, когда открывал дверь кабинета, ему казалось, что за столом из орехового дерева он увидит... графа Тастемара. И каждый раз Юлиан вздрагивал от одной мысли об этом. Привычно вспомнив события тридцатилетней давности, он нахмурил брови, энергичным шагом подошел к столу и, не садясь в кресло, принялся оформлять документы. Отложив писчее перо, он извлек из глубины нижнего ящика бархатный мешочек с кольцом и поставил гербовую печать на бумагу.

Юлиан навел порядок на столе, за которым привык работать по утрам, и снова вернулся в коридор. Там он вспомнил о том, что хотел сменить промокшую от дождя одежду. Из коридора граф поднялся по лестнице на третий этаж, где располагалась его спальня, и вошел внутрь. В мягком кресле цвета бурного моря сидела, подтянув колени к подбородку, Фийя. Прищурив один глаз и высунув язык, она пыталась попасть ниткой в иголку, а между колен зажимала мужскую рубашу. При виде Юлиана она подскочила, рассеянно улыбнулась и положила так и не вдетую нитку с иглой на низкий столик, стоявший рядом.

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

— Тео Юлиан, что-то случилось? — удивленно спросила айорка, заметив, что граф чем-то обеспокоен.

— Ох, ночью расскажу, Фийя... Сейчас нет времени. Будь добра, подай наряд для города.

— Конечно, конечно...

Айорка подбежала к огромному сундуку и принялась доставать оттуда необходимые вещи. Ее руки порхали.

Вскоре, переодевшись под пристальным взглядом раскрасневшейся женщины, Юлиан вышел на улицу. Там его ждал оседланный конь, нетерпеливо бьющий копытом о землю. Вскочив в седло, Юлиан послал его рысью к распахнутым воротам и помчался по ровной дороге к Луциосу. В воздух взметнулась прибитая феллским ливнем пыль.

Граф растворился в роще ягодного тиса, скрывавшего особняк Лилле Аданов от любопытных взглядов путников с тракта Аше'Элья. Тис облюбовал ноэльские склоны, и именно из этого негниющего хвойного дерева, причем весьма ядовитого, строились торговые корабли на верфях рядом с мысом Голубого Когтя.

— Тарантоша, скоро закат! Нам нужно быстрее попасть в порт!

Жилистый гнедой конь, отдаленно напоминающий своей вредностью дикого мерина сэра Рэя, фыркнул и ускорился. Вынырнув из объятий тисовой рощи, граф оказался на широком тракте, который вел к спрятанному в бухте Луциосу, главной морской артерии Ноэльского графства.

Живописная бухта была изогнута и незаметна со стороны моря, и лишь высокий маяк на мысе указывал вход. Однако о портовом Луциосе знали все и на Юге, и на Севере, поэтому капитаны находили фарватер практическую вслепую, благодаря соседству с Лилейским островом, служившим своего рода ориентиром.

На большаке царило привычное оживление. Грузенные товарами и бочками повозки тянулись по направлению к Луциосу и от него. Дорога пролегла меж виноградных плантаций, и если бы Юлиан развернулся и поехал не на юго-запад,

а на северо-восток, то прибыл бы в винную столицу всего Севера, в город Аше'Элья. Там делали самое дорогое и изысканное на Севере вино — «Королевское розовое».

Поглаживая холку Тарантона, Юлиан смотрел то влево — на оцелованные солнцем виноградные плантации, то вправо — на светлые воды бухты Нериум. Вдоль тракта россыпью ютились деревушки, жители которых с утра до ночи были заняты на полях. Морской бриз играл с короткими волосами графа и его светло-васильковым плащом. Где-то впереди, между тянущимися встречной вереницей подводами, он разглядел знакомое лицо с крючковатым носом и мохнатыми бровями, доходившими до кромки волос. Мужчина был уже в возрасте, но по-ноэльски сухой, худой, с гладковыбритыми подбородком и щеками. Казалось, что ленно развалившийся на облучке возничий тоже был обласкан бризом и даже прикрыл глаза, смакуя всем телом благодать прекрасного весеннего вечера. Наконец он открыл глаза и увидел Юлиана. Когда конь поравнялся с повозкой, пожилой мужчина привстал с сиденья.

— Тео Юлиан! Да осветит солнце ваш путь! Вы в Луциос?

— Да, Мильер. Не слышал в городе никаких странных или необычных новостей?

— Нет, все спокойно вроде, тео... — озадаченно ответил тот и почесал плешивую макушку. — Да, тихо и мирно...

— Хорошо, Мильер. Поторопись, скоро стемнеет.

— Конечно, тео Юлиан! Спасибо за беспокойство.

С этими словами слуга кинул заботливый взгляд назад, на скрученные и бережно сложенные в повозке дорогие ткани, прибывшие этим днем из Виарке, южного города, а затем снова посмотрел вперед. И чуть подстегнул мулов.

* * *

Стены Луциоса выростали по мере приближения, и вскоре Юлиан въехал в стрельчатую арку городских ворот. Здесь дорога расширялась, обрастала булыжником и разветвлялась на множество улочек, а те, в свою очередь, растекались по городу, подобно

притокам реки. Но главным рукавом дорога шла к порту и проходила мимо рынка, между расположившихся по бокам лавок, кузниц, таверн и доходных домов. От порта и к порту тянулись бесконечные вереницы повозок, всадников и деловитых людей с договорами в сумках, перекинутых через плечо.

Люди, чистые и ухоженные, шумно общались между собой. У лотков живо обсуждали цены товаров в сеттах, даренах, треволлах и иадах. Звенели серебрянники и бронзовички из всех уголков Сангомара. По улочкам гулял морской ветер, игриво задувая под светлые одежды горожан и путаясь в их каштановых и серых шевелюрах.

Юлиан возвышался над ними почти на голову.

Многие, завидев высокого и богато одетого господина, сразу же признавали в нем графа Лилле Адана. Тогда они почтительно расступались, пропуская того, чья семья владеет всем Ноэлем. Как шутили в народе: «Проще сказать, что не принадлежит семье Лилле Адан». В отличие от северян, народа темного и необразованного, ноэльцы знали о существовании вампиров. Именно поэтому все прекрасно понимали, кто такие Лилле Аданы, хотя и не осознавали, отчего Мариэльд живет так непозволительно долго... Уже обычным делом стала отправка из тюрем приговоренных к смерти людей в отдаленный особняк, где те бесследно пропадали. Привыкли горожане и к странным соседям, которые не имели в доме ни крошки хлеба, зато время от времени посещали заключенных. Воспринимали они это сдержанно, чуть стиснув зубы, но терпели... Терпели не так спокойно, как южане, которые и бровью не вели при виде клыков, но и не так бурно, как северяне, — никто не хватался за вилы и ножи.

И хотя ноэльские вампиры спокойно покупали кровь в узилище, все же они старались не выпячивать свое происхождение. И при случае предпочитали отмалчиваться, общаясь с каким-нибудь матросом, прибывшим на корабле с Севера.

— Да байки это всё. Ну какие вампиры, о чем вы... — шептали они со сдержанно-лукавой улыбкой и качали головой.

Впрочем, морякам редко доводилось покидать Портовый район. Они и бродили-то в основном между складами, борделями и харчевнями, пребывая в искренней уверенности, что истории про кровососов — это всего лишь рассказы. Порой тот или иной матрос мог заприметить во рту случайного прохожего клыки, испугаться и потом рассказывать на своем Дальнем Севере, что видел живого вампира, настоящего демона! Да вот только родня и друзья обменивались друг с другом понимающими улыбками, переглядывались, как бы говоря: «Эка морячок шутки шутит... Посреди города да вампир... Видано ли дело?»

Вампиров в Ноэле жило совсем немного, поэтому случаев с убийствами людей возникало и того меньше. В общем-то, вампиры не доставляли никому особых хлопот, а Мариэльд де Лилле Адан и вовсе пользовалась всеобщим уважением. Когда тридцать лет назад она вернулась из северных земель вместе с бледнолицым юношей, к тому же скверно говорящим по-ноэльски, об этом во всем Луциосе судачили несколько лет. Личность Юлиана обросла самыми невероятными слухами, и всякое его появление в городе приводило ко всеобщему переполоху. И только спустя два десятилетия он смог вздохнуть спокойнее. Но все же не до конца...

— Господин! Господин! — закричал кто-то сбоку писклявым голосом.

Стайка беспризорных детей в коротких шароварах и рубахах обступила Юлиана и заверещала. На высокого графа уставились серые, темно-серые и карие глаза.

— Господин, подайте монетку! Всего лишь одну!

— Мне подайте!

— Нет, мне, уйди, Тойюр!

— Да сам отвали!

— Подайте, господин...

— Ну пожалуйста!

Юлиан зыркнул на наглых детей и нарочито широко улыбнулся. Те вздрогнули от показавшихся клыков и разлетелись с гамом во все стороны, как воробьи. В то же время тонкие,

но ловкие пальчики потянулись к поясной суме графа, пока он стоял спиной.

— Ага! — Юлиан поймал дерзкого воришку за руку.

Мальчишка сделался смертельно бледным.

— Кто это тут у нас, а? — произнес задумчиво граф, легко удерживая его. — Что ты у меня в сумке забыл?

— Я... ничего. Вам показалось, господин! Не ешьте меня, пожалуйста!

— Да что ты, — граф усмехнулся и шутливо клацнул зубами. — Ты, часом, не из приюта? — На ребенке были незаштопанные штаны и худая рубаха.

— Да... из приюта... — Тот сглотнул подкативший к горлу ком.

— Еще раз увижу твою руку у чьей-нибудь сумы, сдам охране! Я все вижу, мальчик, и я тебя запомнил! — нарочито серьезно пригрозил Юлиан.

Тут же позабыв о ребенке, он взял под узду Тарантона и поспешил по широкой улице к порту. За углом она резко уходила вниз, отчего широко разворачивалась панорама порта с покачивающимися на водах кораблями.

День близился к закату. Из рыболовных суденышек, приростившихся справа, спешно выгружали пойманную рыбу. С укрытых досками пирсов доносился шумный гам хозяев лодок, капитанов команды или одиночных рыбаков. Обсуждали всё как обычно: богатые места, плохой улов. Или, наоборот, гордо демонстрировали доверху груженные рыбой бочки.

Одно- и двухмачтовые торговые нефы сонно подремывали на волнах, пока вокруг кипела жизнь. Потные грузчики в шароварах и с подвернутыми рукавами торопливо перетаскивали в трюмы товар под контролем ревизоров, сверявших все по накладным. Из всех кораблей ближе к входу в порт стоял двухмачтовый неф. Юлиан сразу обратил внимание на его гальюнную фигуру в виде обнаженной наги с раскрытым в крике ртом и огромной грудью. За три десятилетия в Ноэле он ни разу не видел таких наг... Да и вообще, пышной грудью женщины

этого вида никогда не отличались, поэтому пылкой фантазии резчика по дереву оставалось лишь позавидовать.

Около этого нефа, «Морского черта», с криками ходил вздвперед поросший густой бородой купец в длинном кафтане с позолоченной тесьмой. Рядом с ним вертелся сынишка, лет восьми, с самым унылым видом слушающий отцовские наставления. Под вечно недовольным взглядом купца грузчики заносили в трюмы ящики с «Королевским розовым», закупленным на местных винодельнях.

— Халлик! Дурень, хватит крутить по сторонам башкой! — ревел кряжистый купец.

— Пап, да я слушаю тебя, слушаю! — с совсем хмурым видом ответил мальчонка, но тут же отвернулся и стал смотреть на багровый закат. Его бордовое платье развевалось на легком ветру, как и длинные волосы.

— Я вижу, как ты слушаешь! Учись, пока я жив, отцовскому ремеслу.

Оплеуха прозвучала неестественно звонко даже среди этого бурного оживления и суматохи. Затем раздалось фырканье, и насупившийся ребенок недовольно скрестил руки на груди.

— Когда ж ты ума наберешься, а, Халлик?!

— Да я слушаю тебя, пап. Ну я же сказал! — с обидой произнес мальчонка. Красный отпечаток на щеке от удара отцовской ладонью начал медленно остывать.

— Вполуха слушаешь! А должен двумя ушами вращать, как гарпия крыльями, чтоб все запомнить!

Курносый нос мальчика сморщился, а чуть выпуклые глаза, похожие на отцовские, потускнели. В них застыла настолько великая скука, что, казалось, он прилагает все усилия, чтобы смотреть на эту бесконечную вереницу ящиков с вином. В конце концов любопытство опять возобладало над ним, и мальчик отвлекся на скрипящие доски пирса. Склонился, встал на четвереньки и принялся заглядывать меж щелей — в покачивающиеся воды.

— Пап, папа! Смотри, там что-то есть!

— Что? — буркнул недовольно Намор Белозуб. — Куда ты опять пялишься, Халлик? О Ямес, за что мне это... Пять дочек, и вот уродилось же такое чудо шестым...

— Папа, да там кто-то есть, под досками прячется!

И действительно, Юлиан услышал всплески и писклявое стрекотание, напоминающее трели птиц в сосновом лесу. И если мальчик в изумлении прильнул глазом к щели размером с большой палец, то граф Лилле Адан уже знал, кто притаился под пирсом.

Морские чертята часто селились в южных теплых водах, в портах и верфях. Промышляли они воровством еды, товаров, а порой и всего ценного и блестящего, до чего дотягивалась их перепончатая тонкая лапка. С этими демоническими безобразниками, весьма безобидными, если бы не их проделки, отчаянно воевало портовое управление, однако шустрых негодников изловить было очень непросто. Отличались эти создания от своих лесных собратьев, киabu, не таким пушистым хвостом, а также перепонками между пальцами. За долгие годы соседства с людьми морские чертята стали еще нахальнее. Не раз и не два любая мало-мальски пригодная щель в стене или полу становилась причиной разорения амбаров. Порой отопрет хозяин склада дверь поутру и тут же увидит в полутьме, как к щели наружу устремляются стрекочущие и довольные черти, деловито поворачиваясь к разорившемуся человеку тощим задом. Почему разорившемуся? Потому что шелка, парусина, красители-то, может быть, и не съедобные, но пока каждый демонический негодник не попробует их на свой зуб, не пожует, не выпотрошит и не выплюнет, он с этим будет до последнего не согласен. Впрочем, портовый люд в долгу не оставался: с медком да под пиво вяленые чертята шли очень даже неплохо. Так что тут, как говорится, око за око, зуб за зуб.

Привязав поводья Тарантона к крюку у торца Портового дома, Юлиан поднялся по ступеням на второй этаж. Пройдя через длинный и тесный коридор и разминувшись со снующими туда-сюда работниками, он постучал в дверь, а затем вошел, не дожидаясь ответа.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

